

ДЕТЕКТИВНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Татьяна **УСТИНОВА**

Анна и Сергей **ЛИТВИНОВЫ**

Евгения **МИХАЙЛОВА**

и другие :-)

Великолепные детективные истории

Татьяна Устинова

Детективное путешествие

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Устинова Т. В.

Детективное путешествие / Т. В. Устинова — «Эксмо»,
2023 — (Великолепные детективные истории)

ISBN 978-5-04-185640-3

У вас в руках коллекция лучших детективных историй! В сборник вошли рассказы как самых признанных и давно любимых авторов – Татьяны Устиновой, Анны и Сергея Литвиновых, Евгении Михайловой, – так и других популярных писателей. Вы сможете по достоинству оценить изящество интриги, динамичность сюжета и неожиданность развязки этих коротких криминальных историй, ведь их действие разворачивается во время увлекательных путешествий! В сборнике «Детективное путешествие» есть все, что вы так любите в детективах: хитроумно закрученный сюжет, стремительное расследование и головокружительный финал. Попробуйте разгадать детективную загадку раньше всех!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185640-3

© Устинова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Содержание

Александр Руж. Perpetuum mobile	6
Татьяна Устинова. Моя бабушка говаривала...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Детективное путешествие
Татьяна Устинова, Анна и Сергей
Литвиновы, Евгения Михайлова и другие

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Александр Руж. *Perpetuum mobile*

И занесла же их нелегкая в этот греческий порт!

Анита обвела глазами грязную пристань, темные волны, яростно набегавшие на пирс, и вздохнула. Вид из кафе, где они завтракали с Алексом, открывался не самый радостный. Но в Пиреусе везде так – на то он и порт.

Можно было бы перебраться в Афины, до них совсем близко, и вариантов для проживания там больше, однако обстоятельства заставляли не удаляться от берега. Со дня на день разбушевавшееся Эгейское море, как уверяли старожилы, должно успокоиться, и тогда появлялся шанс уговорить шкипера какого-нибудь из стоявших на приколе судов подвезти незадачливых путешественников хотя бы до Крита, а если подфартит, то и до Италии.

Анна Сергеевна Максимова, урожденная Анита Моррьентес, и ее супруг, русский инженер Алексей Петрович Максимов, странствовали не праздно. Или нет, не так. До определенного момента это был вояж ради новых впечатлений и отдыха, но затем их затянуло в круговорот событий, непосредственно связанных с шаткой ситуацией в Европе, и они стали мечтать о скорейшем возвращении домой. Мечта почти сбылась, в румынской Констанце их ждал паром, шедший в Россию, но Анита получила письмо от своей сестры из Испании. Та просила срочно приехать.

Не откликнуться на просьбу ближайшей родственницы, с которой они к тому же не виделись более десяти лет, было никак невозможно, и Анита уговорила Алекса переменить планы. Вместо того чтобы отправиться на восток, они двинулись на запад. Путь неблизкий, с остановками, и одна из них чрезмерно затянулась. Явление вполне себе предсказуемое, сетовать не на кого. Конец декабря – не лучшее время для плавания по средиземноморским просторам. Едва они прибыли в Пиреус, разразился шторм и бушевал уже вторую неделю, намертво заперев корабли в гавани.

Анита изводилась от вынужденного безделья и мыслей о сестре, ждущей ее приезда. Алекс тоже не испытывал удовольствия, меряя шагами серые, по-зимнему унылые улочки. В Пиреусе, как в любом портовом селении, толкся всяческий сброд, съехавшийся из разных уголков мира. Чопорные британские аристократы, пижонистые французские буржуа, желтолицые китайцы, чернокожие арапы, румянощекие славяне... Все ждали прекращения бури: одни – чтобы занять места в каютах пассажирских парусников и пакетботов, другие – впрячься в привычную матросскую работу или спуститься в чад корабельных кочегарок, третьи – возобновить рыбный промысел, прерванный непогодой. Равнодушие сохраняли только портовые бродяги, слонявшиеся по набережной. Четверо из них – имевшие цыганистую внешность и облаченные в пестрое рванье – вели себя особенно назойливо. Они предлагали услуги: подвезти на самодельной развалюхе, в которую впрягались на манер рикш, или поднести покупки. Алекс отгонял их, но они все равно слетались, как хищники в расчете на поживу.

Максимовы и сопровождавшая их служанка Вероника остановились в убогой гостинице с тараканами и такой скверной едой, что употреблять ее без риска для жизни не решился бы даже человек с луженым желудком. Средства позволяли им подобрать кров попроще, но эта гостиница была ближайшей к причалу. Окна выходили на море, и, просыпаясь каждое утро в стылой, небрежно убранной комнатенке, Анита первым делом отодвигала занавеску в надежде, что Посейдон усмирил свой гнев и взору предстанет спокойная глянцевиная гладь, слегка подернутая рябью от рассветного бриза.

Увы, надежды не оправдывались. Миновало Рождество, настал новый, 1851 год, дни текли за днями, а за окном ничего не менялось. Прогнозы бывалых рыбаков, обещавших скорое прекращение ненастья, не сбывались, и Анита мало-помалу погружалась в топкую, илистую, как морское дно, ипохондрию.

– Ждем еще три дня. Если ветер не уляжется, едем посуху, – рубанул сплеча Максимов, ковыряя вилкой осточертевший салат с брынзой и маслинами.

Кафе, которое они облюбовали для завтраков, обедов и ужинов, не отличалось разнообразием меню, зато, как и гостиница, размещалось в непосредственной близости от пирса и позволяло неотрывно созерцать буйство водной стихии.

– Посуху? – усомнилась Анита. – Отсюда до Мадрида? Как это у вас говорят... для бешеной собаки семь верст не крюк?

Но Алекса не так-то легко было сбить с толку.

– Пересечем Балканы и посмотрим, что делается по ту сторону. Возможно, Адриатика ведет себя не так строптиво.

– Ваши бы слова, Алексей Петрович, да Зевсу в уши, – подал голос третий сотрапезник, сидевший за их столом, и промокнул толстые губы матерчатой салфеткой.

Это был Артемий Лукич Черноряев – по его словам, коренной москвич, вынужденный в связи со служебными делами уже добрый десяток лет мотаться по заграницам. О своей работе он говорил скупно, сообщил лишь, что приписан к дипломатическому корпусу. Аниту не удивили ни этот факт, ни скрытность нового знакомца. Греция, не так давно обретшая независимость от Османской империи, находилась в сложном положении и с трудом выпутывалась из политических кризисов, связанных со сменой власти. Король Оттон слыл неважным правителем, и за его спиной плелись постоянные интриги с участием Британии, Турции и России, которая считала Балканский полуостров сферой своих непосредственных интересов.

Артемий Лукич, выполнив в Афинах деликатную миссию, полагал отправиться морским путем в Рим, а оттуда на перекладных в Лондон, но принужден был наравне с прочими несчастливцами сидеть и ждать у моря погоды. Общие чаяния сблизили его с Максимовыми, он часто подсаживался к ним в кафе и заводил беседы, чьи темы неизменно сводились к одному и тому же: как поскорее покинуть этот постылый городишко.

Лет пятнадцать назад греческое правительство приняло решение построить первую в стране железную дорогу. Но за истекшее время строительство так и не началось, поэтому единственным средством передвижения по стране оставался гужевой транспорт. В условиях здешней дождливой зимы Максимов, обладавший сугубо техническим складом ума, оценил скорость езды как катастрофически низкую. И все же бездействие казалось ему еще большим злом.

– Надо что-то решать, Нелли, – твердил он ежеутренне, удостоверившись, что море не желает смирать свой норов.

Анита кивала, издавала одобряюще-согласное мычание, но по существу вопроса предпочитала не высказываться. Она и сама не понимала, как лучше поступить: набраться терпения и выждать или плюнуть на все и довериться лошадям. Пусть Алекс решает, с него и спрос, если что-то пойдет не так.

В то утро, сидя за столиком и лицезрея безотрадный штормовой пейзаж, они вкупе с Артемием Лукичом приступили к обсуждению перехода через Балканы, как вдруг произошло нечто, внесшее диссонанс в размеренный ход разговора.

Послышалось негромкое жужжание, и откуда ни возьмись на каменные плиты пола выскочил серый продолговатый предмет. Он двигался столь быстро, что нельзя было в подробностях определить его очертания. Присутствовавшие в кафе дамы с визгом вскочили на ноги и кинулись к выходу, а иные забрались на стулья, подобрав подола.

– Мышь! Мышь! – зазвучало на разных языках.

Анита к мышам относилась без симпатии, но и без панического страха. В поместье, где они с Алексом проводили значительную часть времени, этих грызунов водилось предостаточно. Да и не свойственно мышам жужжать, аки пчелам.

Меж тем неопознанный объект шустро сновал по полу, выписывая вокруг столиков восьмерки и другие замысловатые фигуры. Кто-то швырнул в него полотенцем, кто-то ложкой, бестолково забегали официанты. Кажется, один только Максимов сохранял невозмутимость. Он присмотрелся к траектории движения предмета, передвинулся чуть влево и, изловчившись, схватил его рукой.

– Так и знал!

Он держал деревянную, покрытую лаком коробочку размером с объемистую табакерку. Снизу в ней были сделаны прорезы, в которых крутились металлические колесики. Алекс осмотрел добычу со всех боков, обнаружил маленький рычажок, сдвинул его, и жужжание прекратилось.

Он водрузил коробочку на столик рядом со своей тарелкой. Гам в кафе постепенно улегся, и посетители, удостоверившись, что ничего ужасного не произошло, сгруппировались возле отважного русского.

А он не чувствовал себя героем, его вниманием всецело завладел пойманный механизм.

– Как он работает, Алекс? – спросила не менее заинтересованная Анита.

– Сейчас поглядим.

Максимов столовым ножом поддел верхнюю часть коробочки. Крышка поддалась, обнажив мозаику из мелких деталек и хитросплетения проводков.

– Что и требовалось доказать. – Алекс поочередно потыкал пальцем в различные узлы. – Батарея, ротор, магнит... Миниатюрный электрический двигатель. Эта штука, – он покачал коробочку на ладони, – весит не больше фунта. Тяги вполне достаточно, чтобы придать ей резвость.

– Надо же! – подивился Артемий Лукич. – Я в технике, признаться, дуб дубом. Гальваника, лейденские банки... Темный лес.

– Пустяки! – небрежно бросил Алекс. – Мы не в пещерном веке живем. Физика, химия – все давно поставлено на службу человечеству.

Они говорили по-русски, и столпившийся около столика народ недовольно гудел, ничего не понимая. Господин Чернояров по-гречески обратился к ближайшему официанту, а тот, в свою очередь, затараторил с любопытствующими посетителями. Они, ворча, стали расходиться.

– Я сказал, что эта машинка – ваше собственное изобретение, – пояснил Артемий Лукич. – Она случайно завелась и вырвалась на волю, вы ее изловили. Но, как все гениальные ученые, вы нелюдим и чрезвычайно злитесь, когда кто-то посторонний лезет в ваши дела. Можете и салатницей в голову запустить.

– Спасибо, – буркнул Максимов, не отрываясь от своего занятия. – Представляю, какое мнение сложилось у них о моей персоне!

– Главное, что маневр сработал, – заметила Анита. – Все разошлись. Так что доставай записку.

– Какую записку?

– Алекс, не валяй дурака. Я же видела, как ты вытащил из этой жужжалки какую-то бумажку и спрятал в рукав.

Она наклонилась к нему и извлекла на свет четвертушку дешевой бумаги. Развернула ее и прочитала накорябанные карандашом слова:

– «Помогу добраться до Италии. Сегодня в шесть вечера за старым маяком».

Максимов потянул листок к себе, вгляделся в строчки.

– Написано по-русски. Еще один соотечественник?

– Здесь их немало. – Господин Чернояров пригубил из бокала красное вино. – Но вам не кажется, что он выбрал для общения с нами довольно необычный способ?

– С нами ли? – засомневался Алекс и посмотрел записку на свет, словно полагал, что она, помимо уже озвученного Анитой текста, содержит какие-либо тайные знаки. – Он могла предназначаться любому в этом кафешантане.

Анита с ним не согласилась.

– Людей здесь много, да. Но, судя по речам, да и по лицам, помимо вас с Артемием Лукичом, русских среди них нет. Никто бы не понял написанного. К тому же этот неведомый доброжелатель знает, что его адресат нуждается в транспорте. Вряд ли это совпадение.

Дипломат одобрительно склонил лысеющую голову.

– Вы правы, сударыня. Послание предназначено для нас. Что будем делать?

Максимов посчитал вопрос лишеным смысла.

– Что тут раздумывать! Надо пойти и встретиться с этим типом. Не думаю, что мы чем-то рискуем. А вдруг он нам действительно поможет?

Когда Алексу попадалось что-то связанное с механикой, он ощущал себя в своей стихии, а его доверие к людям, обладающим технической жилкой, было неизмеримо выше, нежели к тем, кто не умел отличить болта от гайки. Вот и теперь он изучал негаданно попавший в руки четырехколесный трофей и понимал, что имеет дело не с профаном. Чтобы смастерить такую игрушку, нужно владеть определенными навыками. Интересно, что предложит при встрече отправитель загадочного письма?

Уже стемнело, когда все трое выдвинулись на рандеву с неизвестным. Шли вдоль береговой линии залива Сароникос, на изрядном расстоянии от кромки моря, чтобы не попасть под лапы волн, по-тигриному бросавшихся на сушу.

Старый маяк стоял на окраине Пиреуса и был заброшен. Город после обретения Грецией суверенитета планировалось превратить в промышленный центр и огромный порт, который мог бы посоперничать масштабами с Лондонским и Константинопольским. В середине тридцатых годов немецкий архитектор Шауберт составил проект, по которому и перестраивались улицы, изрядно обветшавшие за времена османского владычества. Территория Пиреуса, согласно этому проекту, должна была вернуться к античным контурам, поэтому некоторые его части подлежали сносу. Население оттуда переезжало в дома поближе к центру.

На одной из таких запустелых, никому не нужных улочек и возвышался маяк, сработанный не позднее двенадцатого-тринадцатого столетия. На фоне чернильного неба, слабо подсвеченного редкими звездами, которым повезло прорвать завесу туч, он смотрелся средневековой химерой, годной разве что для обитания призраков и совершения мрачных ритуалов.

Так думалось Аните, когда она, поддерживаемая под руку заботливым Алексом, осторожно ступала в темноте по разбитым мостовым. Конечно, все эти страхи были совершенно беспочвенны – в привидений она не верила, а что касается ритуалов, то переполненный матросней, барышниками и мошенниками всех мастей Пиреус совсем не ассоциировался с каким бы то ни было мракобесием. Подобно другим портам, это был город воров, проституток, неприкаянных пилигримов, но никак не сектантов и оккультистов.

Так успокаивала себя Анита. Вместе со своими спутниками она незаметно дошла до указанного в записке места, где царила непроглядная мгла: небосвод закрывали разросшиеся деревья, а до ближайших городских фонарей было не меньше мили.

– Что-то мне здесь не нравится, – промолвил господин Черноярков. – Нет ли у вас, Алексей Петрович, с собою револьвера? Бог знает, на каких стервятников нарвемся...

В тоне его не слышалось робости, но напряжение, безусловно, присутствовало.

Раздался сухой щелчок, по которому Анита определила, что Алекс не только предусмотрительно запасся оружием, но еще и вынул его из кармана, чтобы держать наготове.

Вслед за щелчком лязгнуло, и этот звук был уже гораздо громче и сочнее. Позади покосившейся башни маяка загромыхало, и через секунду оттуда появились два желтых глаза, источавших ослепительный свет.

Анита инстинктивно зажмурилась, а Максимов вскинул руку, готовый выстрелить. Яркий лимонный свет залил всех троих, они очутились как бы в двух колыхавшихся водоемах, поперек которых обозначились вытянутые косматые тени.

– Не стреляйте! – выкрикнул кто-то, и два световых клинка поблекли.

Анита на пару миллиметров приподняла веки и разглядела перед собой, саженях в двух, не далее, отливавший металлом короб, напоминавший не то запаянную железную кибитку, не то уменьшенный вагон на колесах со спицами. Рассмотреть его подробнее не представлялось возможным, так как свет двух фар, хоть и приглушенный, по-прежнему был направлен прямо на вооруженного Алекса и тех, кто пришел с ним.

– С кем имею честь? – прогремел Артемий Лукич, первым обретший дар речи.

Анита и не представляла, что этот канцелярист с повадками сытого кота умеет говорить так грозно.

Фары погасли окончательно, зато вспыхнул масляный фонарь. Его держал в руке человек ниже среднего роста, сидевший на верху вагона-кибитки. Пламя озарило огороженную низкими перильцами площадку с четырьмя сиденьями, а над ней – холщовый тент. Перед правым передним сиденьем располагались три рычага: два прямых, как палки, и один изогнутый. А слева виднелось подобие воронки, прикрытой куском ткани.

Еще Анита разглядела, что колеса снабжены каучуковыми шинами. И нигде не наблюдается дымовой трубы, свидетельствующей о наличии парового двигателя. Впрочем, не слышно было ни клокотания котла, ни треска огня в топке.

– Не стреляйте! – повторил человек и, не выпуская фонаря, вмиг спустился со своего наместа по узкой лесенке, прикрепленной сбоку от огороженной верхней площадки.

Это был несомненно азиат: глазки-щелочки, лицо с характерными широкими скулами, конусообразный головной убор со штрипками, завязанными под подбородком.

– Кань Тхань, – представился он, церемонно поклонившись. – Для ваша милости просто Кань.

– Ты из Китая? – осведомился Алекс, не опуская оружия.

Он сразу определил, что перед ним отнюдь не аристократ, поэтому не счел бестактным перейти на «ты».

Как и следовало ожидать, восточного иноземца это не оскорбило. Он поставил фонарь на землю и сложил ладошки, сделавшись похожим на статую Будды.

– Нет, гаспадина, я из Вьетнама. В прошлый год бежал на Владивосток, оттуда через Россия на Греция. И вот я здесь.

Анита отметила про себя, что все это достаточно правдоподобно. Над Индокитаем нависала угроза оккупации со стороны Франции, оправившейся после поражения императора Наполеона, и жители стран Юго-Восточной Азии, не обремененные семьями, хозяйством и имевшие кое-какие накопления, уезжали из родных краев в поисках лучшей и мирной жизни.

– За год ты неплохо освоил русский, – похвалила она Каня, и это ему понравилось, тонкие губы растянулись в полуулыбке.

Алекс решил, что можно убрать револьвер. Вьетнамец не производил впечатления разбойника, да и где ему, тщедушному, совладать с двумя крепкими мужчинами и не лишенной физической силы женщиной!

Артемий Лукич приблизился к стоявшему на колесах коробу и с опаской потрогал его поблескивавший в зыбких отсветах бок.

– Что это у тебя? Если тарантас, то где лошади? Если локомобиль, то где паровая установка?

– Гаспадина не угадала. – Улыбка на устах вьетнамца стала шире; он, можно сказать, осклабился. – Это электрический дилижанс, он работает от ток.

– Вроде вот этого? – Максимов показал ему пойманную в кафе машинку. – Какая же мощность у твоего аппарата?

– Мощности хватит, чтобы везти три или четыре человек, – заверил Кань и убрал с лица усмешку, дабы собеседники не подумали, что он шутит.

Максимов скептически покачал головой. Да, он был в курсе всех разработок в области электротехники, сделанных за последние полвека. Слышал и о тележке венгерского инженера Йедлика, и о первом пригодном для практического применения электродвигателе российского изобретателя Якоби, созданном в середине тридцатых годов. Лет двенадцать назад он лично присутствовал среди зевак, смотревших, как оснащенная таким двигателем лодка плыла по Неве против течения. В 1841 году химик из Абердина Роберт Дэвидсон построил полноразмерный электромобиль, однако эта громоздкая конструкция весила около семи тонн и через каждые полторы мили нуждалась в смене гальванических элементов. Да и скорость ее – четыре мили в час – немногим превосходила среднюю скорость пешехода.

– Гаспадина сомневается? – угадал его мысли вьетнамец. – Зря. Эта машина, – он похлопал по стальному кожуху, – бежит за час пятнадцать миль. Ей надо отдых полчаса в сутки, чтобы заправить и смазать мотор.

– Это ж сколько батарей придется иметь про запас! – воскликнул Алекс, все сильнее изумляясь.

– Нисколько, – последовал ответ. – Мотор работает на обыкновенный вода. Ее заливают вот тут.

Кань показал на уже замеченную Анитой воронку.

Максимов нахмурился. Теперь он точно мог сказать, что этот гость с Востока над ними издевается. Выработка электрической энергии из воды? До такого даже сказочники не додумались!

Он собирался уже послать наглеца куда подальше посредством русских бранных выражений, которые тот должен был изучить вместе с великим и могучим по пути с Тихого океана в Европу, но Кань упредил вспышку гнева смиренной речью:

– Пускай гаспадина не ругается. Это правда. Я забыл сказать, что в воду надо добавить порошок. Вот. – Он вынул из-под длиннополой хламиды, в которую был облачен, полотняный мешочек, подбросил его в руке и спрятал обратно. – Это химическое вещество. Оно помогает разлагать вода. Высвобождает энергию.

Анита прислушивалась к нему с возрастающим вниманием. «Химическое вещество», «высвобождает энергию» – не слишком ли мудреные словеса для оборванца, прибывшего из джунглей? Нет, за всем этим определено что-то кроется. Но, в конце концов, прогнать его они всегда успеют.

Алекс переглянулся с ней и, по-видимому, пришел к тому же выводу. Его раздражение улеглось, и он, смирив себя, подошел вплотную к электромобилю. Постучал по борту, заглянул под днище.

– Могу я посмотреть, как он устроен?

– Не сейчас, гаспадина, – мягко отказал ему Кань. – Я знаю, что вы хорошо разбираетесь в механика. Если вы увидите, как устроен моя машина, вам она будет не нужен. Вы построите такой же, и бедный Кань оставайся без деньга.

– Твоя машина? – Артемий Лукич поднял брови. – Хочешь сказать, ты сам ее сконструировал?

– Кань никогда не лгать, – кротко ответил вьетнамец. – Я делал этот дилижанс десять лет. На нем и поехал из дом. Мне бы не пересечь Россия пешком.

Это верно, подумала Анита. Дальний Восток, Сибирь, Урал – расстояния почти астрономические. На своих двоих эдакую дистанцию не одолеть.

– Складно болтает, – шепнул ей на ухо Алекс. – Но по мне, все это байки. Я тебе как специалист говорю.

– Гаспадина хочет доказательства? – немедленно отозвался Кань.

То ли слух он имел сверхчуткий, то ли пронизательным был, как Огюст Дюпен из рассказов американца По, но реплики вставлял всегда к месту, отзываясь порой на желания, еще и не высказанные.

– А почему бы и нет, милейший? – Чернояров поправил щегольской цилиндр и ткнул концом трости в колесо дилижанса. – Насколько я понимаю, ты вызвал нас сюда с намерением продать эту колымагу? Но мы должны убедиться, что покупаем качественный товар. Нет?

Кань вновь оскалил охристого цвета зубы и с самыми любезными интонациями объяснил, что у него и в мыслях нет обманывать почтенных господ. Если они желают удостовериться в надежности и эффективности его изобретения – пожалуйста. Кто первый?

Максимов вошел в азарт.

– А давайте все вместе! Чур, я буду управлять.

Никто не возражал. Он, не тратя времени, взобрался на верхнюю площадку электромобиля и подал руку Аните. Подъем по лесенке оказался несложным. Кань подстраховал тучного Артемия Лукича, и вот уже все четверо уселись в не слишком удобные, но сносные креслица. Алекс погрузился в изучение рычагов. Кань услужливо подсказывал.

– Нет никакая сложность, гаспадина. Потянуть правый рычаг – машина пойдет вперед. Тянуть дальше на себя – пойдет быстрее. Потянуть левый рычаг – машина пойдет назад. Крутить средний рычаг – машина будет поворачивать.

Максимов безотлагательно воспользовался советами и привел тарантас в действие. Он потянул за правый рычаг, в железной утробе что-то звякнуло, как будто тренькнул колокольчик, и казавшаяся неуклюжей громада стронулась с места. Кань надавил ногой неприметную педальку, вспыхнули лупоглазые фары. Это было наименее удивительным, ибо использование электричества в качестве источника освещения изучалось уже вовсю. Десять лет назад англичанин Молейнс запатентовал лампу, в которой светился порошковый уголь, помещенный между двумя платиновыми электродами, а четырем годами позже его земляк по фамилии Кинг изобрел нить накаливания, сделанную из металла. Так что поразить воображение просвещенных людей электрическими фонарями было довольно сложно.

Но сама машина! Повинуясь рычагу, она плавно набирала ход. Снабженные рессорами колеса негромко поскрипывали, пассажиров слегка покачивало. К сожалению, улочки в этом нежилом районе были изрядно выщерблены, к тому же их кривизна не позволяла развить заявленную Канем быстроту. Тем не менее короткая поездка вокруг маяка вызвала у Аниты, Алекса и Артемия Лукича искреннее восхищение.

– Это чудо какое-то! – прокомментировал Максимов, передвинул рычаг в вертикальное положение, и машина послушно остановилась. – Впервые ездю на экипаже, который не гремит, не дымит и так легок в обращении. Однако ж его скоростные характеристики покамест не подтверждены. Требуется дополнительные испытания.

Анита отдала должное его благоразумию. Машина может быть хороша на коротком отрезке и малой скорости. А разогнать ее посильнее и устроить дальний пробег – как она себя поведет?

Вьетнамский самородок и здесь не стал артачиться. Господа настаивают на испытании? Да будет так. Дорога, проложенная между Пиреусом и Афинами, имеет протяженность семь с половиной миль. Если угодно, завтра же вечером Кань готов доехать на электродилижансе до греческой столицы.

– А нельзя ли это сделать днем, при свете? – внесла поправку Анита.

Кань замялся. Он сказал, что нарочно окружил свое изобретение секретностью, поскольку боится, что машину украдут нехорошие люди. Кто бы из них отказался от двигательного средства, за которым не угнаться ни полицейским, ни жандармам?

Кань хранил бы свое детище при себе до гроба, если б не крайняя нужда в деньгах. Он долго выискивал приличного покупателя, пока однажды не услышал в кафе беседу супругов Максимовых и господина Черноярва. Он уверился, во-первых, что они честные дворяне и с ними можно заключить сделку без риска быть надутым, и, во-вторых, машина окажется в умелых руках, так как один из них – инженер. Последнее, по признанию Каня, имело для него весьма немаловажное значение. Он вложил в создание электромобиля столько сил, что жалко было бы отдавать его кому ни попадя.

Итак, обе стороны условились о полной прозрачности и чистоте предстоящего эксперимента. Аните надлежало остаться в Пиреусе и присутствовать при старте. Максимов должен был заранее отбыть в Афины, чтобы своими глазами увидеть финиш, зафиксировать время и осмотреть дилижанс на предмет возможных повреждений, которые могли произойти по дороге. С Канем же предстояло отправиться Артемию Лукичу – как наиболее уважаемому и беспристрастному свидетелю.

В гостинице, перед сном, Анита и Алекс обменялись мнениями.

– Знаешь, Нелли, мне до сих пор не верится, что такое возможно, – признался Максимов. – Это же почти перпетуум-мобиле. Залил водички и шуруй... Звучит как миф.

– Водичка непростая, – напомнила Анита, высвобождаясь из уличного одеяния и принимая от вышколенной служанки пеньюар. – Если ты помнишь, в нее надо добавлять некий порошок. И думается мне, его рецепт Кань не выдаст нам ни под какими пытками.

– Тогда какой смысл покупать у него агрегат? Нет уж... Я согласен заплатить ему за эту штуковину, как за конюшню породистых лошадей, но он выложит мне всю подноготную. Иначе никакой купли-продажи!

На следующий день после обеда Максимов уехал в Афины. Он не спешил и воспользовался услугами горожанина, который вез в столицу продукцию собственной сыроварни. Алекс примостился на скрипучей повозке, где-то между фетой и гравьерой, и понурая лошадка, понукаемая смуглым возницей, потряхала навстречу заходящему солнцу.

Часа два спустя, когда совсем стемнело, к тумбе, на которой когда-то стоял похищенный венецианцами в семнадцатом веке пирейский лев, подъехал Кань на своем электромобиле. Его уже ждали Анита и Артемий Лукич. Вход в Центральную гавань, назначенный точкой старта, был, в отличие от городских улочек, местом людным, и прохожие стали заглядываться на дивное сооружение, тихо катившееся по проезжей части рядом с конными упряжками.

– Я готов, – доложил Кань, притормозив возле тумбы.

– Мы тоже. – Господин Черноярв не без усилий взгромоздился на верхнюю площадку и занял позицию позади вьетнамца. – Засекайте время, Анна Сергевна. А ты, – это относилось к изобретателю, – гони во весь дух. Только гляди, в кювет меня не вывали!

– Гаспадина будет довольна, – поручился Кань, но попросил минутку обождать.

Из отсека в задней части машины он достал ведро, зачерпнул им воды из ближайшей канавы и поставил на землю. Потом развязал уже знакомый Аните мешочек, извлек оттуда щепотку порошка серебристого оттенка и высыпал его в ведро. Вода зашипела, забулькала, из нее полетели микроскопические пузырьки.

Аните невольно пришел на ум образ алхимика или чародея, колдующего над своими зельями. Каню не доставало только мантии и какой-нибудь древней книги с пентаклями и сатанинскими символами.

Число прохожих, коих привлекло необычное действие, возрастало с каждым мгновением. Кань, не скрывая беспокойства, поглядывал по сторонам и, едва реакция в ведре завершилась, полез с ним на крышу электромобиля. Там он сдернул с воронки прикрывавшую ее тряпицу

и несильной струей перелил содержимое ведра, все еще шипевшее и сверкавшее огоньками, в нутро своей машины.

Праздник люд, глазевший на бесплатное представление, загудел, все гадали, что будет дальше. Кань уселся перед рычагами. Артемий Лукич нетерпеливо ерзал, ожидая отправления. Но машина оказалась окружена народом, и если б Кань отправил в ее чрево электрический импульс, обозначающий начало движения, то могли пострадать не менее четырех-пяти глупцов.

Он включил фары. По рядам пронеслось звучное «а-ах!», некоторые зрители закрыли руками лица, но расступаться не собирались.

Что за ослы, разрази их Громовержец! Аните надоело ждать, она отошла во тьму и оттуда заполошно крикнула на ломаном греческом:

– Вор! Держи вора!

Эти слова она так часто слышала в прохиндейском Пиреусе, что успела их выучить.

Люди засуетились, стали озираться, хвататься за карманы и сумки. А Анита продолжала повторять одно и то же, для пущей убедительности показывая рукой куда-то в сторону жилых кварталов.

Никто туда не побежал, но пока все сосредоточенно проверяли, не у них ли случилась покража, Кань сумел завести свой самоходный рыдван и покинуть столпотворение. Очутившись на открытом пространстве, он прибавил скорости и вписался в одну из примыкавших к гавани улиц. Публика разочарованно выдохнула, но пускаться вдогонку сочла неразумным и быстро рассосалась. Анита этого уже не видела, так как, сверившись с хронометром (17.46 по локальному времени), она покинула стартовый пятак и направила стопы к продуктовому магазинчику, вывеску которого приметил еще при дневном свете.

Почему-то очень захотелось оливок. Как выразился бы Алекс, *do zarezu*. Вообще-то не барское это дело – в бакалеи захаживать. На то есть прислуга. Но ехать сейчас в гостиницу, отрягать Веронику, растолковывать ей, что к чему... Та еще клуша – уйдет, и жди ее часа полтора. Пока до соседней улицы добредет, успеет всех ворон пересчитать, на все дамские наряды налюбоваться и всем чистильщикам обуви подмигнуть. Нет, проще делать самой.

Рассудив так, Анита вошла в магазинчик. Внутри было темновато, горели только две тусклые лампы с дрянными фитилями. Они издавали надсадное потрескивание, поминутно гасли и снова тяжело разгорались. Пахло пряностями и чем-то кислым. Лавочник с мясистым носом наливал из глиняного жбана в высокий кувшин густое оливковое масло. Завершив сию процедуру, он заткнул горлышко деревянной пробкой. Деваха с похожими на паклю волосами, выбивавшимися из-под повязанного на голову платка, высыпала на прилавок горсточку медаков, взяла кувшин и, стараясь не расплескать содержимое, выплыла из магазинчика.

Стоявшая у порога Анита посторонилась, пропуская ее, после чего убедилась, что в магазине нет других покупателей, и подошла к продавцу. Он воззрился на нее с некоторым недоумением. По всему видать, высокородные особы посещали его лавчонку нечасто, а одежда свидетельствовала, что перед ним отнюдь не простолюдинка.

Анита указала облаченной в перчатку рукой на бочонок, в котором мокли оливки. Ее познания в греческом были более чем ограничены, поэтому пришлось прибегнуть к языку жестов. К счастью, обнаружилось, что лавочник худо-бедно знает французский: жил когда-то в Марселе, ходил матросом на торговом паруснике.

Он отобрал для знатной дамы несколько десятков крупных оливок и ссыпал их в кулек, свернутый из трех слоев толстой бумаги. Анита выложила на прилавок серебряную монету номиналом в два франка. Их начали чеканить в Париже в позапрошлом году. Французские франки, выплавленные не из меди, а из благородных металлов, охотно принимались практически во всех странах Европы.

Продавец залопотал, что сдачу может отсчитать только драхмами. Аниту это устраивало. Он положил перед ней красивую монету достоинством в одну драхму и равнявшуюся, согласно текущему курсу, одному франку. Пока лавочник возился с мелочью, высыпая на прилавок нужное количество медных лепт, Анита взяла драхму и поднесла к лампе, чтобы тщательнее рассмотреть. На аверсе был изображен профиль короля Оттона, а на обороте – щит с крестом, увенчанный короной.

Анита сняла с левой руки перчатку и поскоблила ногтем щеку Оттона. Так и есть! Под тонким слоем серебра открылся черный металл.

– Фальшивка! – заявила она лавочнику и зажала монету в кулаке. – Где ты ее взял?

Тот спал с лица, полуобернулся к двери, ведшей в подсобное помещение, и выкрикнул по-гречески два слова, схожих с карканьем ворона. На этот призыв из подсобки выступил здоровенный детина с закатанными по локоть рукавами. Черты одутловатой физиономии и величина носа позволили Аните заключить, что это близкий родственник продавца, скорее всего, сын. Он стал надвигаться на нее свирепо и неукротимо, как африканский носорог.

Она мысленно признала свое поведение крайне неосмотрительным. Сейчас эти двое пристукнут ее, разрежут брентную плоть на куски, утрамбуют в бочонок из-под оливок и выбросят в морскую пучину. Никто и не узнает, что здесь произошло.

Проклятье! Как же не хватает Алекса... Уж он-то разделался бы с ними в два счета.

В сложившихся обстоятельствах полагаться приходилось лишь на собственные силы и смекалку. Закричать? Если неподалеку от магазинчика кто-то есть, услышат, придут на помощь...

А если не придут, побоятся? Нет, надо действовать иначе. Но и бежать наутек сломя голову тоже не годится, гордость не позволяет.

Анита сунула руку в ридикюль и вытащила кинжал, припасенный как раз для подобных случаев. Детина с закатанными рукавами противно заулыбался, показывая своим видом, что ее отпор смешон.

Что ж, посмотрим! Анита перехватила кинжал клинком кверху и, размахнувшись, ударила рукоятью в покатый бок глиняного жбана. Она молниеносно отскочила и сделала это вовремя: из расколотой посуды лавиной хлынула вязкая масса и растеклась лужей под ногами у детины. Он по инерции сделал шаг вперед и грохнулся навзничь, приложившись затылком об угол прилавка.

Не убили? Вроде нет. Крови не видно, значит, череп цел. Такую баклушку даже кувалдой не расшибешь.

Продавец не сразу сообразил, что случилось, и застыл с разинутым ртом. Анита, не мешкая, склонилась над упавшим громилкой и приставила кинжал к его бычьей шее. Лавочник, опомнившись, дернулся к поверженному Голиафу, но Анита опередила его возгласом:

– Стой! Ты же не хочешь, чтобы я перерезала ему глотку?

В нужные минуты она умела быть решительной и властной. Лавочник облизнул пересохшие губы и привалился к стене.

– Что вам угодно? – еле выговорил он, шевельнув задеревенелыми челюстями.

– Я уже сказала. Мне угодно знать, откуда у тебя фальшивые монеты. – Он медлил с ответом, и она с наслаждением вдавила кинжал в жилистую выю верзилы. – Ну?

...В гостиницу Анита вернулась в восьмом часу вечера. Принесла с собою кулек оливок и в ожидании Алекса уселась перед окном, выуживая их одну за другой и с удовольствием ощущая пряный солоноватый вкус.

Минуло восемь, девять, затем и десять часов, Максимова все не было. Анита стала тревожиться. Наконец он явился, продрогший, но довольный. С порога объявил, что эксперимент дал поразительный результат. Расстояние в семь с половиной миль между Пиреусом и Афинами электрический монстр Каня преодолел за сорок три минуты. Иными словами, ско-

рость составила чуть меньше обозначенных создателем машины пятнадцати миль в час, однако все равно оказалась впечатляющей. Следовало также сделать скидку на неважное состояние дорожного покрытия.

Анита спросила, в котором часу машина прибыла в столицу, и признала, что выводы, сделанные Алексом, верны.

– Почему же ты приехал назад так поздно? Или вы с господином Чернояровым на радостях зашли в таверну?

– В таверну я заходил, – сознался Максимов, – но один и совсем ненадолго. Сегодня холодно, и рюмка ракии помогла мне не заколечеть. А вернулся на попутной двуколке.

– Почему не на электромобиле?

– Черноярову понадобилось заехать в посольство, он сказал, что пробудет там долго. Я не захотел ждать, оставил ему Кая и машину... А что, это важно?

– Нет... Забудь.

Максимов, воодушевленный произведенными наблюдениями и открывшимися перспективами, ходил взад-вперед по комнате.

– Мы должны купить эту машину! За любые деньги! Это же невероятно... прорыв в технике!

По его чересчур экзальтированному состоянию Анита догадалась, что одной рюмкой ракии дело не ограничилось.

Но и на следующее утро, на трезвую голову, он твердил все о том же:

– Покупаем! Пойми: если я разберусь в принципе ее действия... а я разберусь!.. то мы заработаем миллионы!

На это Анита возразила: прежде чем мечтать о баснословных заработках, следует определиться с затратами, а они, вероятнее всего, будут немаленькими.

– Кань просит за машину тысячу драхм, – ответил Максимов.

Анита перевела названную сумму в более привычные денежные единицы.

– То есть тысячу франков? Ого! На эти деньги можно два года снимать в Париже квартиру с полным пансионом.

– На самом деле он запросил тысячу пятьсот, но треть затрат взял на себя Чернояров. Он с нами в доле.

– Полторы тысячи? Не жирно ли? – усомнилась Анита.

Алекс заступился за вьетнамского гения:

– Это почти даром, Нелли! Уверю тебя, наши издержки окупятся.

В тот же день он еще раз съездил в Афины и по имевшимся у него ценным бумагам получил в отделении Национального банка Греции тысячу серебряных драхм. Покупка электромобиля должна была состояться в восемь вечера возле уже знакомого нашим героям старого маяка. Туда же Артемий Лукич обещал принести свои пятьсот драхм, чтобы расплатиться с Канем сполна.

Но прежде чем осуществилась эта сделка, произошло еще одно немаловажное событие.

В Пиреус приехал с плановым визитом греческий король Оттон, чей профиль был изображен на монетах. Впрочем, те его изображения безнадежно устарели, ибо он давно уже не выглядел цветущим восемнадцатилетним юношей с вьющимися локонами. Нынче ему перевалило за тридцать пять, он вступил в пору зрелости, обзавелся морщинами и слегка обрюзг.

Оттон, сын Людвига Баварского, стал первым, кому довелось править Грецией после обретения ею независимости. Вопреки возлагаемым на него упованиям, он не проявлял качеств уверенного в себе государственного деятеля, строго придерживающегося намеченной линии. Весь период его правления был эпохой метаний из стороны в сторону. От него ждали самостоятельных шагов, а он прислушивался то к баварцам, то к англичанам, то к французам, то к русским и никак не мог выработать собственную точку зрения по какому бы то ни было

предмету. Провозгласив курс на обретение греческим народом демократических прав и свобод, он тем не менее не оставил деспотических замашек, в чем ему в немалой степени потворствовала супруга Амалия, дочь герцога Ольденбургского.

Во многом именно из-за Амалии авторитет короля в последние годы оказался изрядно подпорчен. Она вмешивалась в политику, в которой ничего не смыслила, не смогла родить наследника престола и в довершение ко всему отказалась сменить религию, оставшись в лоне протестантской церкви. В народе ее откровенно ненавидели и считали, что она дурно влияет на монарха. Однако Оттон, человек в общем-то добрый и мягкосердечный, искренне любил ее и всячески отстаивал перед критиками и злопыхателями.

Королевская чета прибыла в Пиреус около полудня. После пышного обеда, устроенного градоначальником, высокие гости отправились осматривать достопримечательности. Анита обратила внимание, что к их приезду в порту и его окрестностях навели относительный порядок: улицы были подметены, витрины магазинов вымыты, а неприглядных нищих стало гораздо меньше. Неведомо куда исчезли и приставучие цыганистые бродяги – их не видно было уже дня два.

Что до Максимова, то он ничуть не интересовался ни вояжем короля, ни метаморфозами, преобразившими Пиреус. Его раздражало нетерпение, он был сосредоточен на предстоящем приобретении волшебной машины.

Без десяти восемь все трое – Алекс, Анита и Артемий Лукич – собрались у маяка. При Максимове был саквояж с тысячью драхм, при господине Черноярове портфель, в котором, вероятно, тоже находились деньги. Ждали только Каня с его электромобилем.

В назначенный час никто не появился. Хронометр отстучал четверть девятого, половину... Зашуршали шины, и из-за маяка, разбрасывая снопы света, выкатился управляемый Канем дилижанс.

Но чтостряслось с учтивым изобретателем? Он восседал на своем месте, неприлично раскинув ноги и перекосячившись. Рычагами дергал беспорядочно, так что дилижанс двигался рывками и зигзагами.

– Тпру! – крикнул Максимов, когда машина едва не наехала на ожидавших ее покупателей.

Кань откинулся назад, потянув рычаг. Электромобиль остановился, но азиат и не подумал спуститься. Он квашней растекся по сиденью и не шевелился.

– Да что с ним такое? – непонимающе проговорил Артемий Лукич. – Умер он там, что ли?

Максимов попросил его и Аниту присмотреть за саквояжем, а сам вскарабкался по лесенке и тряхнул вьетнамца за плечо. Тот издал невнятный звук, похожий на кошачье мяуканье, и блаженно улыбнулся.

– Да он пьян, как свинья!

Алекс подхватил субтильное тельце Каня, перекинул его через плечо и с ловкостью акробата спустился с ним на землю. Сгрузив любителя выпивки под стеной башни, он похлопал по щекам.

– Эй, друг! Очнись!

Анита принюхалась: от вьетнамца за версту разило анисовкой. Не иначе на радостях слишком рано начал отмечать выгодную сделку.

– Как же нам быть? – озадачился Максимов. – Не передавать же деньги бесчувственному телу... И потом – мне нужен рецепт порошка для приготовления топлива из воды.

– Совершенно справедливо, – одобрил его рассуждения господин Чернояров. – Надо дождаться, когда он очухается. Зато у вас есть время, чтобы изучить устройство дилижанса. Мы же не собираемся покупать кота в мешке? Кань получает свои полторы тысячи, а мы – машину со всеми ее секретами.

– Логично! Пожалуй, так и поступлю.

Максимов вооружился фонарем, который нашел под сиденьем, и осмотрел всю верхнюю площадку электромобиля. Там не было ничего примечательного. Тогда он обошел машину кругом и наткнулся на десять винтов, расположенных по прямоугольному периметру.

– Вот оно! Если их открутить, можно будет заглянуть внутрь.

Пошарив в отрепьях дремавшего Каня, он вытащил отвертку, минуты две повозился с винтами, выкрутил их все до единого и осторожно отсоединил от боковины электромобиля металлический лист размером примерно два на три аршина. Прислонил его к колесу и заглянул в образовавшийся проем.

Увиденное ошеломило его. Вместительный короб не содержал никаких хитромудрых механизмов. В нем сидели все четверо цыганистых голодранцев, чьи рожи успели примелькаться и Алексу, и Аните за дни, проведенные в Пиреусе. Взмокшие и растрепанные, они держались за рукоятки, соединенные, как заметил Максимов, ременными передачами с каждым колесом повозки. Еще он разглядел гальваническую батарею, питающую фары, и небольшую кадку, установленную точно под нижним концом воронки, куда Кань наливал свою шипящую воду.

– Вот тебе и венец технического творения! – рассмеялась Анита. – А я-то ломала голову, куда подевались эти обормоты...

Обманутый в своих надеждах Алекс заклокотал, как пробудившийся вулкан. Схватив первого попавшегося нищеворода за шиворот, он выволок его наружу.

– А ну иди сюда! И вы все вылезайте... живо!

Поскольку в его левой руке появился револьвер, те сочли за благо повиноваться. Вылезли из железного вместилища и наперебой заканючили на смеси различных диалектов, что-де ни в чем не повинны и всего лишь выполняли несложную работу, порученную им Канем, – по сигналу крутили рукоятки, приводя дилижанс в движение.

– Хорош конфуз!.. – пристыженно выдавил Артемий Лукич. – Нас всех провели, как младенцев...

– За всех не говорите, – поправила Анита. – Я подозревала, что наша коммерция закончится чем-то подобным. Видите ли, я немного разбираюсь в химии, и когда Кань на моих глазах превращал воду в чудодейственную жидкость якобы для получения электричества, мне показалось, что он готовит обыкновенную шипучку.

– Почему же ты мне не сказала? – рассердился Максимов.

– Хотела дождаться развязки, узнать, что он задумал. Если бы хотел попросту обокрасть нас, то есть получить деньги и подсунуть пустышку, то не напился бы вдрызг в самый ответственный момент.

– А и верно! – Алекс задумался. – Как-то все это не вяжется одно с другим... Слишком много нестыковок. Мы же видели, как эта таратайка преодолела семь с половиной миль за сорок с небольшим минут! Четыре лентя могли облапошить нас на малом расстоянии и при малой скорости – например, здесь, в узких переулках. Но я никогда не поверю, что у них хватило сил придать ей быстроту лошадиной упряжки и доставить вместе с двумя пассажирами отсюда в Афины! Они явно что-то скрывают, гаечный ключ им в дышло!

Он снова притянул к себе за ворот оборванца, который выглядел моложе и пугливее остальных. Сунул ему дуло револьвера под ребро и велел рассказывать все, как на духу. К несчастью, эти охламоны чертовски плохо владели (или притворялись) основными европейскими языками, посему Максимов, как ни старался, не добился от них вразумительных объяснений.

– Ладно же! Сдам вас жандармам, тогда попляшете! – пригрозил он, но и эта угроза не возымела действия.

– Полноте, Алексей Петрович, – осадил его господин Чернояров. – Ни шиша вы от этих мерзавцев не добьетесь. Они людишки маленькие, вертели ручку за копейки. А вот этот, – он пнул сладко похрапывавшего Каня, – конечно, осведомлен куда лучше.

– Но он спит, как сурок! Из пушки не разбудишь.

– Надо попробовать... Потормошите-ка его, а я схожу к морю, наберу воды. Говорят, холодный душ приводит в чувство даже мертвецки пьяных.

Максимов отдал ему ведро, входившее в комплект машины, которая оказалась бесполезной игрушкой – такой же, как жужжалка, пойманная в кафе. Артемий Лукич ушел к заливу. Аните Алекс поручил надзирать за цыганами, которые, сбившись в кучу, боязливо жались к башне маяка, а сам взял Каня за отвороты рубища и припечатал спиной к стене.

– Просыпайся, бесово отродье!

Вьетнамец чахло бормотал, причмокивал, голова его болталась, как привязанная, но глаз он не открывал. Вскоре Алекс утомился и бросил его обратно на землю, как набитую тряпьем куклу.

– Где Чернояров? На него вся надежда. Два-три ведра...

– Боюсь, Алекс, Чернояров уже не придет, – молвила Анита так обыденно, словно речь шла о чем-то пустячном.

Он вытаращился на нее широко раскрытыми глазами.

– Как это не придет? Куда он делся – утонул в море?

– Нет. Сбежал под шумок с нашим саквояжем.

– Что??

С револьвером в одной руке и фонарем в другой Максимов обежал вокруг маяка, но Артемия Лукича и след простыл. Саквояж с тысячью драхм сгинул вместе с ним.

Не зная, на ком сорвать ярость, Алекс обрушился на Аниту:

– Ты же всегда хвасталась своей наблюдательностью! Как ты могла его упустить?

Анита отреагировала с предельным хладнокровием:

– Во-первых, не кричи на меня. А во-вторых, ты приказал мне следить за цыганами. Какие претензии?

Максимов прислонился к пустотелому коробу, а потом с размаха саданул по нему кулаком.

– Да! Это я дурака сваял! Кретин! Потеряли столько денег... Где теперь искать этого жулика?

– На его счет у меня есть некоторые предположения, – сказала Анита. – И если они небеспочвенны, то надобно поторопиться. Расшевели-ка этих лодырей, – она указала на бродяг, которые дюйм за дюймом отодвигались в тень, рассчитывая сбежать. – Нечего им прохлаждаться, пусть займутся своими прямыми обязанностями.

Алекс без долгих диспутов наставил на них револьвер, а свободной рукой сделал жест, приказывающий всей компании водвориться в покинутом ими коробе. Бродяги притворились, будто не поняли повеления, и тогда он для острастки пальнул разок над их головами. Босяки сразу полезли в машину.

– А этого куда девать? – Максимов поддел стволом револьвера наполовину проснувшегося Каня, который пучил мутные гляделки и плямкал губами.

– Давай его к ним! Поместятся. В тесноте, да не в обиде.

Алекс сгреб вьетнамца в охапку и закинул в пузо дилижанса. Бродяги посторонились. Худосочная тушка азиата шлепнулась между ними и заскребла ногтями по рифленому полу.

– Значит, так, – начала Анита повелительно, – крутите что есть силы. Кто будет отлынивать, того Алекс пристрелит без всякой жалости.

Максимов поднял металлический щит и привинтил его на прежнее место, замуравав всю ватагу внутри гулкового ящика. Закончив работу, он постучал по грани, и она отозвалась эхом.

– Все! Теперь они никуда не денутся.

– Превосходно! – Анита взялась за ступени лесенки. – Едем!

Они поднялись и расселись по местам. Алекс дернул рычаг, а Анита для пушшего эффекта прокричала в воронку:

– Трогаем! – И уже Алексу, деловито: – Сворачивай вон туда, в арку. Осторожно! Кошку не задави...

Фары развенчанного драндулета помалу гасли – садились питавшие их батареи. Однако, по расчетам Максимова, запасов энергии должно было хватить приблизительно на полчаса.

– Если что, и с фонарем доедем... А куда, собственно, мы держим путь?

– Сейчас скажу... – Анита вынула из ридикюля сложенный пополам лист бумаги с надорванными краями и развернула его.

– Что это у тебя?

– Программа визита короля Оттона и королевы Амалии в Пиреус. Сорвала давеча с афишной тумбы. Тут, на наше счастье, не только по-гречески, но и по-французски... Вот! Если верить расписанию, их величества сейчас должны присутствовать на экскурсии в церкви Святой Троицы. Нам туда!

– А какое, прости, отношение имеют их греческие величества к аферисту Черноярову и нашим деньгам? – спросил Максимов, водя рулевым рычагом вправо-влево, чтобы не врезаться в дома и не переехать уличную живность.

– Объясню попозже. Для начала вот тебе мои выводы, к которым я пришла еще вчера. Мне сразу показалось подозрительным, что наш приятель Чернояров не позволил тебе вернуться в Пиреус на этом замечательном дилижансе. Откуда у него вдруг взялись срочные дела в Афинах?

Безлюдные районы кончились, повозка выехала на улицы, освещенные газовыми фонарями. Максимов выключил фары. То тут, то там стали попадаться прохожие, – они шарахались от странного кабриолета, как от фантома, вынырнувшего из мглы.

Анита по сторонам не глядела и вела далее свой рассказ:

– Для чего же он так поступил? Конечно же, для того, чтобы ты не видел, как на самом деле передвигалась эта так называемая самобеглая каракатица между Афинами и Пиреусом.

– Как же, по-твоему?

– Если ты заметил, в передней ее части по бокам укреплены две скобы. Металл под ними весь в потертостях. Предполагаю, что в них продевались оглобли или что-то наподобие, и весь этот передвижной цирк тащили самые обычные лошади. Причем, если посмотреть на карту, дорога из Афин в Пиреус напоминает латинскую букву S. Не исключено, что Артемий Лукич и его сообщники знали, как проехать напрямик, без лишних загогулин, тем самым сделали маршрут еще короче. На въезде в Афины лошадей выпрягли, оглобли отцепили, и к месту финиша дилижанс подрулил, движимый только руками четырех бурлаков... – Анита топнула ногой и, склонившись над воронкой, распорядилась: – Не спать! Работать!

Она приложила ухо к верхнему раструбу и уловила надрывное дыхание. Бурлаки, напуганные револьвером и возможностью оказаться под арестом, старательно налегали на рукоятки. Можно было и не подгонять.

Алекс сидел напряженный, поворачивал рычаг и переваривал услышанное.

– Выходит, Чернояров с самого начала был в сговоре с Канем?

– Неужто ты поверил, что какой-то необразованный крестьянин у себя в крокодиловых болотах собрал аппарат, который опередил техническую мысль лет на сто, а то и на двести? Да откуда бы он достал столько металла, гальванический элемент, провода и все прочее? Этим его наверняка снабдил Артемий Лукич... если только нашего знакомого зовут именно так. Возможно, он и разбирается в технике... или кого-то нанял.

Заслушавшись, Алекс чуть не прозевал встречное ландо, в последний миг отвернув к тротуару. Пегий конь всхрапнул, а кучер, выпялившийся на непонятно как двигавшееся сооружение, едва не свалился под копыта.

– То есть ты давно подозревала Черноярова?

– С того момента, как мы впервые встретились с Канем. Он по-русски изъяснялся очень коряво, а записка в игрушке была написана правильно, без ошибок. Очевидно, ему помогал кто-то из русских, подумала я. А на другой день, как ты помнишь, Артемий Лукич вызвался ехать в Афины, а нам с тобой достались второстепенные роли. Тут уж я окончательно утвердилась в мнении, что они с Канем – одна шайка. Точнее, все это придумал Чернояров, а Кань – мелкая сошка, такой же наемник, как и эти портовые забулдыги, что отдуваются сейчас по своей глупости и жадности...

Впереди показался храм Святой Троицы – величественная постройка в стиле барокко, выложенная по фасаду плитами, специально привезенными из итальянского Ливорно.

– Ближко не подъезжай, останови! – предупредила Анита Алекса.

Он дернул рычаг, соединенный с колокольцем внутри короба, а Анита постучала носком туфли по воронке. Дилижанс остановился за углом краснокирпичного жилого дома. В центре города вряд ли можно было остаться незамеченными, но безлошадный экипаж стал не главным магнитом, притягивавшим внимание пирейской аудитории. Церковь окружали жандармы, они расталкивали народ, который предпринимал отчаянные попытки проникнуть внутрь и хоть одним глазком посмотреть на короля и королеву. Неподалеку стояла карета с гербами, запряженная шестеркой белых жеребцов. На козлах восседал монументального вида великан, сжимавший вожжи в пудовых кулачищах, рядом стояли навтыжку лакеи.

Анита, понизив голос, передала в воронку приказ сидеть тихо и не дергаться. Затем она спустилась с верхней площадки и сделала пяток шагов по направлению к церкви. Ее пытливый взгляд рыскал по сторонам.

– Кого ты высматриваешь? – не вытерпел Алекс, прервав затянувшееся молчание.

– Нашего друга... кем бы он ни был. Король с королевой скоро выйдут, и лучше бы нам с тобой найти его раньше, чем он засвидетельствует им свое почтение.

Все время после инцидента у маяка и исчезновения Черноярова Максимов был озабочен исключительно пропажей своих кровных капиталов. Однако слова Аниты и в немалой степени голос, каким они были произнесены, перевернули его представление о происходящем. Подлый розыгрыш с машиной и дерзкое похищение саквояжа меркли перед чем-то более значительным, если не сказать, глобальным.

– Что он задумал, Нелли?

– Могу только догадываться... А вот и он! – Анита с неожиданной силой рванула Алекса за руку и развернула его на сто восемьдесят градусов. – Видишь?

За колонной, что подпирала крышу дворца, помнившего, наверное, еще современников Аристотеля, виднелась знакомая фигура, похожая на раздувшуюся кадушку на двух столбиках. Алекс сжал в кармане рукоятку револьвера и в два прыжка очутился возле Артемия Лукича.

– Здравсте, мистер дипломат... или как вас там. Не чаяли увидеться?

Чернояров отпрянул и наткнулся спиной на острое. Он ойкнул, обернулся. Позади стояла Анита с выставленным на манер рапиры кинжалом.

– Вы в ловушке, – вполголоса разъяснила она. – Стоит нам позвать жандармов, и вас отправят в каталажку.

– Это за что же? – Он силился держаться уравновешенно, хотя бледное лицо и трясущиеся вислые губы выдавали истинное состояние духа, далекое от идеального.

– Для начала за кражу. – Она мельком кинула взор на прислоненный к колонне саквояж. – Но это ведь не единственное ваше злоумышление?

Артемий Лукич стискивал в руках свой портфель и, выслушав Аниту, засунул в него пухлую длань.

– Вы правы, не единственное. У меня здесь бомба. Достаточно повернуть переключатель, и мы все взлетим на воздух!

– Враки! – бормотнул Максимов. – Бьюсь об заклад, что у вас там какое-нибудь барахло или бутылка рации.

Но Анита не разделяла его оптимизма.

– Он не врет, Алекс. Пришел сюда, чтобы взорвать Оттона и Амалию. Так? – Вопрос относился к Черноярову, но остался без ответа. – А теперь посмотрите, где мы и где церковь. Даже если сию минуту король с королевой выйдут и направятся к своей карете, вы не сумеете добросить до них бомбу. Взрыв на таком расстоянии не причинит им вреда, зато погубит массу невинных людей. Это ли ваша цель?

– А что мне остается? – зло выщедил Артемий Лукич. – Пусть хотя бы общественный резонанс...

– Общественный резонанс обернется против вас. Скажут, безумец взорвал себя и мирных граждан, а за королем, счастливо избежавшим гибели, закрепится репутация любимца фортуны. Это сыграет на руку ему, а не вам и вашей партии.

– Откуда вы знаете про партию, черт возьми?

– У вас на шее вместо образка висит портрет Иоанна Каподистрии. Это первый правитель независимой Греции, прежде он был министром иностранных дел России. Он-то и создал партию, которая должна была максимально сблизить наши державы. Но финал оказался трагичным: Каподистрию убили, ему на смену пришел баварец Оттон, и это серьезно ослабило позиции Русской партии.

– Понимаю! – подхватил Максимов. – С тех пор на горизонте время от времени появляются сумасшедшие, которые верят: если устранить Оттона, все вернется на круги своя.

Артемий Лукич, не вынимая руки из портфеля, провел кончиком языка по пересохшему рту.

– Господа... – выговорил он хрипло. – Если вы подлинные патриоты, то должны помочь мне, а не препятствовать.

– Патриоты? – Анита пожала плечами. – Странное же у вас представление о патриотизме. Ну убьете вы короля, а дальше что? Политику Греции это несколько не изменит, ее давно диктуют другие люди, даже не Оттон и тем более не Амалия. Вас разоблачат, и своими действиями вы дискредитируете не только вашу партию, на которую мне по большому счету наплевать, но и страну, откуда вы родом. Опять о нас будут говорить как о варварах и злодеях...

Анита за годы жизни в России настолько свыклась со своим новым отечеством, что уже и не отделяла себя от него. Поэтому словосочетание «о нас» прозвучало в ее устах совершенно органично.

– Да что с ним возиться! – Алекс в запале схватился за уголок портфеля и потянул его к себе. – Нелли, беги, зови жандармов!

Анита так бы и поступила, но тут послышался многоголосый ор, и она помимо воли повернула голову, чтобы посмотреть, что произошло. Думала, что это правящие особы вышли из церкви, но нет – причиной шума послужил оставленный без пригляда дилижанс. Запертые внутри бродяги, видимо решив, что все равно пропадать, взялись за рукоятки, и повозка покатила по улице. Они ехали вслепую, поскольку из своего короба не могли видеть дорогу. А если бы и видели, то все равно не имели возможности управлять машиной, которая все набирала и набирала скорость. Чтобы не попасть под колеса, прохожие бросались кто куда, раздавались вопли женщин, перекрываемые бранью мужчин.

– Вот болваны стоеросовые! – выругался Максимов. Он и о Черноярове позабыл, отпустив портфель.

– Алекс, их надо остановить, а то они всех передают! Сделай что-нибудь! – взмолилась Анита.

Он ринулся выполнять ее просьбу, но его вмешательства не потребовалось. Лишенный рулевого дилижанс проехал по прямой не более двадцати сажений и с разгона врезался в стоящую между домами будку сапожника. В ней, хвала небесам, никого не было, но столкновение получилось зрелищным и громким. Дилижанс снес будку, как кеглю. Она, дребезжа, покадилась по мостовой и вызвала еще больший переполох среди прохожих и проезжих. А сама повозка с искореженными передними колесами резко потеряла ход и, подпрыгивая, как шкандыбающий инвалид, уткнулась в конце концов в глухую стену.

– Ну, что же... не самая плохая концовка, – резюмировала Анита.

– Воистину так, – поддакнул Максимов и внезапно встрепенулся. – А где Чернояров?

Артемия Лукича как корова языком слизала. Пока они с замиранием сердца следили за дилижансом, он удрал, бросив портфель, но прихватив саквояж с деньгами.

– Вот жук! – Алекс со всеми предосторожностями заглянул в черный зев портфеля, что-то там открыл и присвистнул. – А он не шутил! Самая настоящая бомба. Медный шар, порох, обрезки железа, воспламенитель... Такой шрапнелью он бы человек двадцать положил.

– Слава богу, что мы ему помешали!

– Это да... Но он скрылся. И что всего хуже, вместе с нашей тысячей драхм.

– Не переживай. Далеко ему не уйти. Я...

Анита хотела что-то добавить, но в этот миг двери церкви открылись, и на запруженную людьми улицу вышел король Оттон под руку со своей супругой. Оба, хоть и были не первой молодости, но смотрелись великолепно – одетые в дорогое шитье, исполненные изящества и достоинства. Все-таки хорошо, что Чернояров не осуществил свой адский замысел... Анита поймала себя на мысли, что меньше всего думает об их политических взглядах и будущем Греции. Если уж на то пошло, пусть местное население решает, какой тропой следовать государству.

На другое утро Вероника, посланная на рынок за мясом и овощами, принесла прелюбопытные известия. Неисправимая сплетница, она и в Пиреусе исхитрилась найти пару-тройку поставщиц информации, кое-как изъяснявшихся по-русски. Они и поделились с нею ходившими по городу слухами, которые оказались весьма интересны.

– Этот-то... который Чернояров... сроду он по дипломатической части не служил! – взахлеб пересказывала Вероника, выгружая из корзины купленную снедь. – В России за ним три смертоубийства значатся, да еще и грабежи. Его, почитай, уж три года по всей Европе полиция ищет.

– Да... – удрученно покивала Анита. – Мне следовало догадаться, что он не организатор покушения, а всего лишь нанятый исполнитель. И где он теперь?

– Словили! – сообщила Вероника радостно. – Представьте себе, Анна Сергевна, на фальшивых деньгах попался! Прибежал вчерась в извозчичью контору, попросил лошадей наилучших, чтоб уехать поскорее. А хозяин конторы, не будь дурак, заметил, что монетки-то, которыми тот платил, вроде как ненастоящие. Взяли сокола за крылья, да и в клетку.

– Фальшивые монеты? – Максимов перевел взгляд на Аниту. – Откуда они у него?

– Не сердись, Алекс... – Она опустила глаза. – Мне довелось свести знакомство с двумя пройдохами. В подвале их магазинчика стоял пресс, с помощью которого они изготавливали поддельные драхмы. Я хотела обратиться куда следует, но потом передумала. Я ведь уже подозревала, что нас проведут с этой машиной...

– Ты подсунула Черноярову фальшивые деньги вместо настоящих? – Изумлению Максимова не было предела. – Ну знаешь!.. А если бы тебя арестовали? И еще... Ты оставила фальшивомонетчиков на свободе!

– Они при мне разобрали пресс и выбросили детали в залив. Вряд ли у них хватит наглости повторять свои преступные опыты... Ладно, Алекс, не дуйся! Может быть, я поступила неправильно, зато и Чернояров наказан, и мы ничего не потеряли.

Она подошла к шкафу и вынула из-под белья тяжелый сверток.

– Вот наша тысяча драхм. В целости и сохранности. Совсем скоро они нам пригодятся, чтобы сесть на корабль и отправиться дальше. Погода в кои-то веки благоприятствует.

И она выглянула в окно гостиницы, где после многодневного шторма в зареве позднего зимнего рассвета лучилось присмирившее море.

Татьяна Устинова. Моя бабушка говаривала...

Третьего дня вдруг он мне объявил, что летит в командировку и там у него работы-ы-ы!.. То есть очень много у него там работы. И вся она какая-то сложная, разная, важная, и, в общем, не до меня ему решительно. Он должен подготовиться, морально и физически.

Физически он готовится очень просто – я аккуратно складываю его вещички в чемодан трепетными кучками и сорок раз повторяю, где именно внутри чемодана расположены крем для бритья, а где запонки. Иногда ему в голову приходит фантазия носить рубашки с запонками!.. Обрато я всегда получаю чемодан, который снаружи ничем не отличается от того, с которым он улетал, а изнутри напоминает как бы апартаменты уездного комиссара после веселого налета махновцев. То есть я, как нормальная взрослая девочка, решительно не могу себе представить, что именно нужно делать с вещами, чтобы они превратились в то, во что превращаются, когда я получаю их обратно!..

Нет, что ты там делал-то?! Спал в них?! Топтал их ногами?! Поливал из душа?!

Ничего я не делал. Я работал.

Итак, с физической подготовкой к сложной командировке у нас все понятно и просто.

Хуже с моральной.

Он думает о своем – он всегда думает о своем, а о «моем» очень редко, почти никогда! – смотрит в бумаги и на вопрос: «Хочешь чаю?» – отвечает рассеянно, что поедет, пожалуй, часов в семь, ибо пробки и вполне можно опоздать, а опаздывать он не может, у него где-то там, куда он летит, много трудной работы.

Да, но ты улетаешь только завтра!.. А сейчас, может, чаю?..

Ну вот завтра я и поеду в семь. А сейчас дай мне подумать.

Он всегда все забывает, теряет, не знает, и ему скучно помнить о таких глупостях, как паспорт, очки и ключи от квартиры, а уж когда... «думает о своем» – пиши пропало!

Что-то такое он потерял и на этот раз, то ли телефон, то ли билет на самолет, то ли детей. Я точно знаю, что все это никогда не теряется безвозвратно, рано или поздно находится – в карманах, чемодане или за обеденным столом в ожидании ватрушки, но вот этот момент, когда он ищет, мечется и пребывает решительно не в себе, нужно пережить. Я все про это знаю. Я давно научилась с этим справляться.

Успокойся, все будет хорошо. Не дергайся, мы сейчас все уладим. Давай я посмотрю, куда именно ты мог засунуть телефон и билет. В конце концов, телефон можно купить новый, а билет восстановить, они нынче все электронные!..

А тут мы вдруг совершенно рассорились.

Бабушка Клавдия Васильевна, когда-то учившая меня печь плюшки и правильно обращаться с таким хрупким существом, как мужчина, говаривала, что ссориться можно когда угодно, но только не на ночь и не перед работой!

Вот хочется тебе поссориться, учила Клавдия Васильевна, ссорься на здоровье, но выбери для этого правильное время! Если еще удастся выбрать правильное место – так, чтобы никто, никто ничего не видел и не слышал! – значит, ты молодец. Все уроки усвоила и, стало быть, настоящая женщина. Ссориться постоянно очень скучно, а настоящая женщина не должна позволять себе так скучно проводить жизнь. А на ночь и перед работой – запрещено строжайше, раз и навсегда!..

Итак, на этот раз я очень определенным голосом объяснила ему, что он невозможный человек, и жить с ним невозможно, и иметь дело невозможно тоже. А следующим вечером он улетел в свою командировку, где ему предстояло много сложной работы.

Весь день мы не могли поговорить. Для нас день в состоянии ссоры – катастрофа, конец света. Мы так не умеем. Мы не можем. Мы погибаем, оба. Правда.

Конечно, когда он прилетел, мы помирились и все наладилось, но что-то такое как будто колючее осталось у меня в голове, и я время от времени натыкалась на эту колючку, и царапала она меня, и не давала покоя, как камушек в ботинке.

А потом меня одолела бессонница, я до утра сидела на кухне, глотала чай, думала и вдруг все поняла!..

Я ведь тогда все неверно сделала, поссорилась, причем одновременно и на ночь, и перед работой! Все бабушкины уроки псу под хвост!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.